

АКСЕНОВ А. Т.

К ПРОБЛЕМЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА

Дискуссия между представителями различных школ и направлений языкознания по вопросу мотивации грамматической категории рода, начавшаяся после того, как Протогор [1, с. 14] распределил имена существительные древнегреческого языка по трем родам (мужскому, женскому и «роду вещей»), продолжается и по сей день. Между полярными точками зрения Э. Сепира, видевшего в категориях языка «систему пережившей себя догмы» [2, с. 78], и А. М. Пешковского, считавшего, что грамматический род символизирует «реальные половые различия» [3, с. 112], можно расположить многочисленные точки зрения других лингвистов, каждая из которых, хотя и не совпадает полностью с другими, все же примыкает к одному из двух противоборствующих направлений: одно из них в принципе признает экстралингвистическую мотивацию грамматического рода, а другое — в принципе ее отрицает.

Эти различия во взглядах находят выражение в определениях понятия грамматической категории рода. По мнению Г. Свита, «род является выражением половых различий при помощи грамматических форм» [4, с. 52]. Это определение было явно навеяно идеями латинской грамматической школы, один из постулатов которой «Genus est sexus discretio» пользовался большой популярностью в ранних грамматиках английского языка [5, с. 55; 6, с. 82]. О. Есперсен неоднократно указывал на наличие связи между полом и родом: «В природе мы различаем пол, мужской и женский; неодушевленные предметы бесполо. В грамматике мы говорим о родах» [7, с. 188]. Формулируя свою теорию «экстралингвистических» или «понятийных категорий», О. Есперсен демонстрирует ее на примере взаимоотношений понятийной категории «пол» и грамматической категории «род» [8, с. 55—57]. По мнению представителей другого направления, род есть совокупность формальных (условных) классов существительных, используемая для синтаксической связи слов в предложении средствами согласования [9, с. 204; 10, с. 1—2; 11, с. 133].

Мы исходим из того, что род, как и другие грамматические категории, есть некое единство планов содержания и выражения. В связи с этим возникает необходимость сначала рассмотреть вопрос о плане выражения этой категории, ибо от его решения зависит причисление того или другого языка к числу родовых языков, т. е. языков, характеризующихся наличием грамматической категории рода. В современном языкознании достаточно ярко проявляется тенденция к абсолютизации значимости согласования в роде как единственного средства выражения этой категории [12, с. 25]. Эта тенденция проявляется в двух направлениях: 1) сужение понятия «план выражения рода» до рамок согласования в роде и 2) расширение понятия «согласование в роде» путем подключения к нему тех средств выражения рода, которые не имеют никакого отношения к согласованию в роде.

Первое направление нашло выражение во многих определениях понятия «род» [9, с. 204; 10, с. 1—2]. Представители этого направления исходят из того, что род имен существительных выражается в их дифференцированной избирательной способности сочетаться со словоформами родоизменяемых элементов предложения (ср., например, *хорошой дом*, *хорошая дом, *хорошее дом; *хорошая комната*, *хороший комната, *хорошее комната и т. д.). Подобная трактовка рода справедлива, однако,

только для тех языков, в которых родовая классификация существительных выражается исключительно словоформами родоизменяемых элементов предложения. В действительности же это далеко не так. Во многих языках родовая классификация существительных выражается в их избирательной способности сочетаться с любыми элементами предложения, различающимися по роду. К ним могут быть отнесены артикли, местоимения-существительные, местоименные артиклоиды, изафетные показатели, релятивные частицы и другие средства выражения родовых классификаций существительных в различных родовых языках мира, входящие за рамки понятия «согласование в роде».

Проиллюстрируем это положение на примере английского языка, дискуссия о наличии или отсутствии рода в котором продолжается на протяжении всей истории описания его грамматического строя. Приведенные ниже диагностические контексты четко указывают на то, что существительные современного английского языка обладают ятой дифференцированной способностью сочетаться с различающимися по роду элементами предложения (личными, притяжательными и возвратными местоимениями 3-го лица ед. числа): 1) *Tell the boy that h e (*she, *it) must do h i s (*her, *its) home-work h i m s e l f (*herself, *itself)* «Скажи мальчику, что он должен сам делать свое домашнее задание»; 2) *Tell the girl that s h e (*he, *it) must do h e r (*his, *its) home-work h e r s e l f (*himself, *itself)* «Скажи девочке, что она сама должна делать свое домашнее задание». В этих предложениях существительные *boy* «мальчик» и *girl* «девочка» дифференцированно относятся к выбору местоимений из общего набора английских местоимений, различающихся по роду: *boy* сочетается в предложении только с местоимениями мужского рода, а *girl* — только с местоимениями женского рода; 3) *Where is your house? It is far from here* «Где ваш дом? Он далеко отсюда» (невозможно: **He is far from here; *She is far from here*); *The war came to its end* «Война подошла к своему концу» (невозможно *The war came to *his end; The war came to *her end*); *The quarrel stopped by itself* «Ссора прекратилась сама собой» (невозможно: *The quarrel stopped by *himself; The quarrel stopped by *herself*).

В этих предложениях имена существительные *house* «дом», *war* «война» и *quarrel* «ссора» проявили способность сочетаться только с местоимениями среднего рода.

Дифференцированная способность к сочетанию с местоимениями, различающимися по роду, опирается на родовую классификацию английских имен существительных, согласно которой существительное *boy* «мальчик» относится к мужскому, существительное *girl* «девочка» — к женскому, а существительные *house* «дом», *war* «война» и *quarrel* «ссора» к среднему родовым классам.

В основе дифференцированной способности русских и английских существительных сочетаться с определенными, различающимися по роду элементами предложения, лежит единая трехродовая классификация. В каждом из этих языков имеется средство для выражения этой единой классификации. Различие заключается лишь в несовпадении этих средств (согласование в роде в русском языке и местоименная соотнесенность в английском). Однако это различие не является существенным: важно то, что оба средства с одинаковой точностью и строгостью выполняют единую грамматическую функцию.

Другим проявлением указанной тенденции является расширительное толкование понятия «согласование в роде». Некоторые лингвисты относят сюда и местоименную соотнесенность, и артикль, и ряд других средств выражения категории рода, не имеющих отношения к согласованию. Авторы «Грамматики современного английского языка» писали: «Личные имена существительные 3-го лица согласуются со своими antecedентами как в числе, так и в роде (в случае местоимений 3-го лица единственного числа *he* „он“, *she* „она“ и *it* „оно“» [13, с. 369]. Отсюда следует, что они исходят из наличия категории рода, выражаемой при помощи местоимений, однако этот способ выражения рода относится ими к согласованию. С этим труд-

но согласиться, поскольку согласование в роде опирается на различия словоформ, а местоименная соотнесенность — на различающиеся по роду слова; местоимения *he* «он», *she* «она» и *it* «оно» — различные местоимения-существительные, а не словоформы одного слова. По мнению М. И. Стеблина-Каменского, «принадлежность существительного к тому или другому роду выражается в норвежском языке в согласуемых с этим существительным артиклях, а также местоимениях и прилагательных...» [14, с. 29] (разрядка наша. — А. А.).

Обратимся к артиклю как средству выражения рода. Различия между родовыми словоформами, например, имен прилагательных, и родоуказательными артиклями очевидны. Особенно ярко эти различия проявляются в тех языках, в которых употребляются постпозитивные «суффижированные» артикли, например, в норвежском языке *boken* есть сочетание существительного *bok* «книга» и артикля *en*, указывающего на принадлежность этого существительного к среднему роду. Объем данной статьи не позволяет остановиться более подробно на описании других средств выражения родовых классификаций имен существительных в различных языках мира. Укажем только, что даже в относительно узких рамках и.-е. языков наблюдаются несколько различающихся по своему характеру средств выражения рода, в том числе такие переходные типы, как местоименные артиклоиды [15, с. 22], являющиеся одним из наиболее последовательных способов выражения родовых классификаций в ряде иранских языков. Отсюда следует вывод, имеющий принципиально важное значение для общей теории грамматического рода: согласование не является универсальным средством выражения рода; род не может быть сведен к согласованию потому, что согласование является лишь частным случаем выражения рода и не может быть единственным признаком, на основании которого можно было бы судить об отсутствии или наличии его в языке. В связи с развитием в и.-е. языках аналитических тенденций согласование в роде в ряде языков отошло как средство выражения рода на второстепенные и третьестепенные позиции, а в некоторых языках оно сохранилось в виде остаточных явлений или исчезло совсем [16, с. 96—97; 17, с. 49—50].

Таким образом, необходимо критически пересмотреть широко распространенные в современном языкознании мнения о роли и месте согласования в системе грамматического рода. Мы не можем принять тезис Ж. Вандриеса, согласно которому индоевропейский род сводится исключительно к согласованию [18, с. 85], не можем мы согласиться и с высказыванием Л. Ельмслева о том, что род служит «простым целям согласования» [11, с. 115], поскольку во многих современных и.-е. родовых языках согласование явно идет на убыль, а в некоторых языках — прекратило свое существование, уступив место другим средствам выражения рода. Более того, множественный характер средств выражения рода, существенно различающихся между собой, ставит перед нами вопрос о необходимости пересмотра и тех определений категории рода, данных в общеторетическом плане, в которых в той или иной форме проявляется тенденция к абсолютизации роли согласования в системе грамматического рода. Поэтому, исследуя проблему экстралингвистической мотивации грамматической категории рода в языках различного строя, мы относили к числу родовых языков не только те языки, в которых родовая классификация имен существительных выражается согласованием в роде, но и те, в которых указанная классификация выражается местоименной соотнесенностью, артиклями, изафетными показателями, релятивными частицами, местоименными артиклоидами и другими средствами, отмеченными авторами описаний различных родовых языков, распространенных в Европе, Азии, Африке, Америке и Австралии.

Различные средства выражения рода объединяются единством их функциональной задачи: они призваны выразить на грамматическом уровне родовую классификацию особых слов, обладающих предметным значением — имен существительных. Если исходить из справедливости данного положения, то естественна постановка двух вопросов: 1) существует

ли какая-либо связь между родовой отнесенностью имен существительных и их предметными значениями?; 2) существует ли какая-либо связь между предметными значениями существительных и некоторыми качественными определенностями предметов объективной действительности? Говорить об экстралингвистической мотивации рода можно только при получении положительных ответов на эти вопросы.

Мы говорим о немотивированности рода русских существительных *дом*, *стена* и *окно* именно потому, что не обнаруживаем никаких связей между их родовой отнесенностью и предметными значениями, с одной стороны, и предметными значениями данных существительных и качественными характеристиками обозначаемых ими предметов, с другой. Однако мы обнаруживаем определенную связь между родовой отнесенностью существительных *мужчина* и *женщина* и их предметным значением, а также связь между последним и определенным качественным различием между лицами мужского и женского пола. В данном случае мы имеем основания говорить о мотивированности рода указанных существительных.

В идеале решение вопроса об экстралингвистической мотивации рода должно основываться на материале всех родových языков мира. Однако, если учесть весьма значительное число родových языков, а также то, что многие родových языки пока еще не изучены в достаточной степени, а некоторые из них вообще не изучены, приходится ограничивать материал исследования.

Известно, что Дж. Гринберг [19, с. 64—72] выявлял полные и неполные универсалии на весьма ограниченном материале 30 специально отобранных языков. Наше исследование опирается на описания 150 языков, распространенных в различных регионах мира.

Исследование проходило в двух направлениях.

1. Поиск языков с немотивированным родом, т. е. таких родových языков, в которых распределение имен существительных всех разрядов, включая и личные имена существительные, было бы основано на чисто грамматическом принципе (подобно нем. *das Mädchen* «девушка», ср. р., *das Weib* «женщина» ср. р., франц. *la sentinelle* «часовой» ж. р. и т. д.). Это имело бы, на наш взгляд, существенное значение для общей теории грамматического рода, т. к. дало бы возможность сопоставлять языки-эталон с нулевой степенью мотивированности родových классификаций с другими языками, в которых родových классификации проявляют различную степень мотивированности. Нас не интересовали отдельные случаи нарушения мотивированности рода, продемонстрированные выше, ибо все указанные слова на фоне многих тысяч личных существительных немецкого и французского языков, род которых мотивирован референтной соотносительностью с полом лиц, представляют собой редчайшие исключения, лишь подчеркивающие закономерность мотивированности рода личных существительных в указанных языках. Тем более, что все эти исключения могут быть объяснены данными истории этих языков.

2. Поиск языков с различной степенью мотивированности родových классификаций. Этот вопрос также представляет значительный интерес для общей теории рода, поскольку в родových языках в основе различия в степени мотивации могут проявляться как интрасистемные, так и экстрасистемные факторы, а иногда и комплексы факторов обоего типа.

Следует сразу же оговориться, что в многочисленных описаниях языков, с которыми нам пришлось иметь дело, обнаружился совершенно разный подход авторов к интересующей нас проблеме: одни авторы четко и определенно высказываются о степени мотивации родových классификаций имен существительных, другие говорят об этом менее определенно, не указывая на имеющиеся исключения. Поэтому предлагаемые ниже результаты нашего исследования не могут считаться окончательными и исчерпывающими. Тем не менее, по ряду основных вопросов, интересовавших нас в данном исследовании, у нас сложилось совершенно определенное мнение. Прежде всего, мы можем сказать, что наши поиски родových языков с немотивированными классификациями имен существительных успеха не принесли: во всех привлеченных к исследованию языках наличие

мотивированности родовых классификаций очевидно, хотя колебания в степени мотивированности весьма значительны. Этот отрицательный результат поиска последовательно немотивированного рода позволяет совершенно по-иному взглянуть на грамматическую категорию рода в общетеоретическом плане: если в оппозиции «мотивированность рода — немотивированность рода» провести разграничительную линию между членами этой оппозиции, то все без исключения родовые языки окажутся слева от этой разграничительной линии. Иными словами, нет языков с немотивированным родом, род во всех языках является в принципе мотивированным, и различия между родовыми языками заключаются в степени мотивированности родовых классификаций имен существительных. Но это лишь различия в степени одного качества.

В работах по общему языкознанию, как правило, категория рода в общетеоретическом плане описывается на материале и.-е. языков, причем вопрос о мотивированности — немотивированности рода рассматривается на основе противопоставления «личность (одушевленность) — неличность (неодушевленность)». Обычно утверждается, что если род личных и части одушевленных существительных (фаунонимов) можно считать мотивированным на основе противопоставления по признаку пола, то род неодушевленных существительных лишен мотивированности. Наше исследование показало, что данное утверждение справедливо не для всех и.-е. языков.

Выше мы коснулись процесса качественных изменений в плане выражения и.-е. рода. Изменения происходят и в плане его содержания. Они выражаются в том, что в ряде и.-е. языков расширяется семантическая база родовых классификаций имен существительных за счет новых семантических противопоставлений, примающих к первичному противопоставлению по признаку пола. Так, в некоторых новых индоарийских языках денотативная значимость категории рода расширилась на основе противопоставления по величине (размеру) однотипных предметов. Это явление на материале языка хинди было описано В. П. Липеровским, который, рассмотрев родовые оппозиции неодушевленных существительных типа *палā* м. р. «ковш» — *палī* ж. р. «ковшик», пришел к выводу о наличии денотативной значимости категории рода по отношению к неодушевленному существительным [20, с. 219]. В структурном отношении эти оппозиции строятся на противопоставлении родовых маркеров *-ā* м.р. — *-ī* ж. р. (ср. *лаṛkā* м. р. «мальчик» — *лаṛkī* ж. р. «девочка»).

Интересно, что в ряде иранских языков также отмечается противопоставление по величине однотипных предметов, выражаемое средствами грамматического рода. Однако, в отличие от хинди, в иранских языках мужской род связан с выражением меньшей величины, а женский род — большей величины предмета [21, с. 98]. Иранисты указывают на некоторые другие семантические противопоставления, расширяющие число родовых значений категорий рода: «Актуальность рода в шугнанской группе, — пишет В. С. Соколова — поддерживается развившимся в нем особым грамматическим значением, связанным с выражением общего и отдельного. Женский род выражает отдельное, единичное, в значении же собирательного или общего понятия это слово переходит в мужской род» [22, с. 180] (разрядка наша. — А. А.). В. С. Соколова указывает при этом, что род в шугнанской группе языков не является простым остатком древнеиранского состояния, а представляет собой результат видоизменения на собственной языковой основе. Все эти инновации безусловно свидетельствуют об укреплении и расширении семантических основ родовых классификаций в ряде и.-е. языков, в результате чего в сфере семантических противопоставлений, выражаемых формами грамматического рода, вовлекаются широкие слои неодушевленных существительных.

В группе иранских языков наиболее серьезным качественным изменениям подверглись основы родовой классификации язгулямского языка: «Другой принцип родовой дифференциации выработался в язгулямском языке, в котором мужской род включает существительные, обозначающие

лиц мужского пола и неодушевленные предметы, а женский род — существительные, обозначающие лиц женского пола и животных (вне зависимости от пола). Таким образом, если исключить существительные со значением лица того или иного пола, то оппозиция „мужской род — женский род“ сводится в язгулямском к противопоставлению неодушевленных предметов, с одной стороны, именам, обозначающим животных, — с другой» [16, с. 44]. Иными словами, в язгулямском языке в компактную двухродовую классификацию имен существительных комплексно вписались две оппозиции: «личность (мужск. пол — женск. пол)» и «одушевленность — неодушевленность».

Расширение сферы денотативной значимости категории рода в ряде и.-е. языков не приводит к изменениям в системах родовых классификаций имен существительных; не образуются новые, дополнительные родовые классы (классы больших и малых предметов, единичных предметов и совокупностей предметов, конкретных предметов и абстрактных понятий) с особыми средствами их грамматического выражения. Новые противопоставления в и.-е. языках примыкают к первичному противопоставлению по признаку пола, «вписываясь» в уже имеющуюся структуру грамматической категории рода.

Английский род на более ранних этапах языкового развития характеризовался незначительной степенью мотивации: неодушевленные существительные относились ко всем трем родам, имелись случаи нарушения референтной соотнесенности между родом и полом. Так, существительные *mæzden* «девушка» и *wif* «женщина» относились к среднему роду, а слово *wifman* «женщина» — мужскому. Подобные несоответствия объясняются тем, что род английского существительного в условиях флективно-синтетического строя определялся падежно-родовой парадигмой. Существительное *mæzden* «девушка», например, склонялось по среднему роду в связи с тем, что в его состав входил общегерманский суффикс среднего рода *-en* (ср. нем. *das Mädchen* «девушка», которое до сих пор относится по той же причине к среднему роду).

Переход к авалитическому строю совершил подлинный переворот в распределении имен существительных по родам: английское существительное, освобожденное от парадигматических «пут», получило возможность избирательно относиться к средствам выражения рода, находящимся за пределами его морфологической структуры. Произошла массовая родовая редистрибуция английских имен существительных на основе их значения. Были ликвидированы и несоответствия между полом лиц и родом (в современном состоянии английского языка существительные *maiden*, *woman* и *wife* относятся к женскому роду). Видимо, процесс родовой редистрибуции существительных был аналогичен тому же процессу в язгулямском языке. Различия заключаются только в том, что более узкие рамки двухродовой классификации язгулямских существительных привели к «совмещению» противопоставлений лиц по признаку пола и одушевленности — неодушевленности в границах мужского и женского родов, а трехродовая система английского языка позволила выделить фаунонимы и неодушевленные существительные в отдельный (средний) род. Имена существительные в язгулямском и английском языках лишены морфологических признаков рода — род выражается местоименной соотнесенностью.

Эти факты не являются случайными: в них просматривается определенная закономерность, подтверждающая нашу мысль о том, что при отсутствии морфологического критерия распределения имен существительных по родам вступает в силу с е м а н т и ч е с к и й к р и т е р и й, в результате чего увеличивается степень мотивации родовых классификаций имен существительных.

Воздействие экстралингвистических факторов на грамматическую категорию рода может выражаться не только в расширении числа семантических противопоставлений и в родовой редистрибуции имен существительных, — эти факторы могут вносить изменения и в семантику рода, основанную на одном противопоставлении (например, противопоставление

лиц по признаку пола), внося, в конечно счете, определенные изменения и в план выражения категории рода. Как известно, категория рода в русском языке наиболее последовательно выражается синтаксически и менее последовательно — на морфологическом уровне. У многих личных существительных противопоставление по роду проявляется в бинарных оппозициях, корреляты в которых создаются при помощи словообразовательных аффиксов соответствующего рода: *племянник* — *племянница*; *чиновник* — *чиновница* (т. е. «жена чиновника»); *купец* — *купчиха* («жена купца» и «женщина-купец»); *тракторист* — *трактористка*.

При анализе приведенных выше родовых оппозиций можно убедиться в том, что родовые аффиксы здесь не однозначны. За различиями между родовыми аффиксами кроется не только механика распределения существительных по родам, но и определенное различие между денотатами, причем различие не одноплановое, а многоплановое.

Результатом воздействия экстралингвистических факторов является и асимметрия объемов родовых значений личных имен существительных, которая в литературе обобщенно трактуется как «немаркированность мужского» и «маркированность женского» родов. При обозначении лиц обоего пола по профессиональному признаку и ряду других признаков родовые оппозиции стали подменяться функциональными оппозициями, оба члена которых являются существительными мужского рода:

лицо муж. пола	лицо жен. пола
<i>преподаватель м. р.</i>	<i>преподавательница ж. р.</i>
<i>преподаватель м. р.</i>	<i>преподаватель м. р.</i>

Нарушение принципа соответствия рода многих личных существительных полу обозначаемых ими лиц привело к тому, что имена существительные мужского рода, характеризующие лиц по профессии и общественной занятости, потеряли способность выражать пол денотатов. В одних случаях это представляет определенные удобства, но в тех случаях, когда говорящий хочет подчеркнуть пол лица, — существительное мужского рода неуместно. Необходимость в выражении пола называемых лиц вызвала к жизни новый тип согласования, точнее, новую согласовательную модель, при которой существительные, обладающие явными морфологическими признаками мужского рода, стали сочетаться с формами женского рода глаголов. Это был качественный скачок в системе русской категории рода, значение которого трудно переоценить: асимметрия объемов родовых значений породила тенденцию к превращению самого обширного слоя русских личных имен существительных — названий лиц по профессии и общественной занятости мужского рода — в имена существительные общего рода.

Мы не можем согласиться с мнением тех лингвистов, которые поспешили отнести русские имена существительные *профессор*, *инженер*, *архитектор* и др. к именам существительным общего рода только на основании этой согласовательной модели [23, с. 203], но сам факт наличия такой тенденции несомненен. Эта тенденция буквально на наших глазах быстро набирает силу, привлекая к новой согласовательной модели не только глаголы, но и другие слова: «Но инспектор милиции, п р и в ы к ш а я вразумлять одну нерадивую мать, одного подростка, н е д о о ц е н и л а обстановку» (Лит. газета, 1981, 17 июня), «Его помощник Н. Горбань, п р о в е р я в ш а я материалы о простоях цистерн, из органов прокуратуры у в о л е н а» (Правда, 1981, 31 сент.); «Главврач б ы л а н е у м о л и м а . О н а сказала, что у н е е инструкция...» (Правда, 1981, 20 сент.) [разрядка наша. — А. А.].

Для экономии места мы не приводим здесь примеров употребления форм имен прилагательных женского рода при существительных в именительном падеже типа *молодая геолог*, *талантливая композитор*, широко распространенных в художественной литературе и в языке прессы, радио, телевидения. Как следует из приведенных выше примеров, в орбиту новой согласовательной модели вовлечены не только глаголы, но и местоимения, все типы причастий (страдательного и действительного залогов, полные и краткие) и имена прилагательные, т. е. все типы слов, при помощи ко-

торых может быть выражен русских имен существительных. Однако тенденция к переходу указанных выше слов к общему роду в настоящее время пока еще окончательно не реализована. На пути к ее окончательной реализации стоит серьезное препятствие — многопадежная система склонения имени, закрепленная в течение многих столетий. Иными словами, мы сможем считать, например, слово *врач* существительным общего рода только тогда, когда в русском языке общепринятыми станут следующие формы согласования: *И. наша врач; *Р. нашей врача; *Д. нашей врачу; *В. нашу врача* и т. д.

Эти формы согласования кажутся нам не только необычными, странными, но и неприемлемыми. Но разве не казались русским людям странными и необычными формы согласования *наш сирота, наш его сироты, нашему сироте, нашего его сироту, наших сиротой, наших сироте* в период перехода некоторых существительных женского рода в общий род?

В принципе и в этом случае действовала одна и та же тенденция — привести род существительного в соответствие с полом лица. Как показывают примеры, эта тенденция в основном уже реализовалась во всех сферах синтаксического выражения рода имен существительных типа *врач, директор* и др., за исключением атрибутивных сочетаний в косвенных падежах. Однако эта тенденция начинает пробивать себе дорогу и в эту сферу: «...реакционная хунта... запретила бы в ш е й главе государства покинуть страну» (Правда, 1980, 17 авг.) «Через два часа после отбытия следователя, и с п о л н и в ш е й свой долг...» (Крокодил, 1980, № 26) [разрядка наша.— А. А.].

Рассматривая проявления новой согласовательной модели, мы абстрагировались от понятия языковой нормы (т. е. от того, какие случаи ее проявления можно уже считать языковой нормой, а какие — нет). И сделали это сознательно, поскольку описываем здесь не норму языка на сегодняшний день, а тенденцию приведения рода существительного в соответствие с полом денотата, в которой отражается воздействие экстралингвистических факторов как на план содержания, так и на план выражения категории рода. Что же касается языковой нормы, то она, как известно, текуча. Ведь какие-нибудь двадцать лет назад во всех грамматиках русского языка употребление форм глагола женского рода при существительных типа *врач* не признавалось нормативным.

Подводя итог рассмотрению вопроса о мотивированности категории рода в и.-е. языках, можно сделать вывод, что сфера семантических противопоставлений категории рода чрезвычайно разнообразна: в одних языках она ограничена рамками личных и, частично, одушевленных существительных, а в других языках ее рамки значительно расширяются за счет вовлечения в нее многих неодушевленных имен существительных на основе новых семантических противопоставлений, примыкающих к первичному противопоставлению по признаку пола; в отдельных случаях можно говорить о почти полной или полной мотивированности рода.

Категория рода в и.-е. языках не является «палеонтологическим отложением отживших языковых идеологий» [24, с. 78] — это постоянно изменяющаяся под воздействием как экстрасистемных, так и интрасистемных факторов грамматическая категория, причем в процесс постоянных изменений вовлечены как план содержания, так и план выражения этой категории.

Коротко остановимся на характеристике мотивированности рода в языках за пределами и.-е. семьи. По свидетельству Ф. Боаса, среди языков американских индейцев «истинно родовые языки» — довольно редкое явление [25, с. 36]. К их числу, в частности, принадлежит язык чинук. Он характеризуется наличием пятичленной родовой классификации: мужской, женский, средний, двойственный и множественный роды. К мужскому и женскому роду относятся названия лиц по признаку пола; своеобразна мотивация родовой дистрибуции фаунонимов: они распределяются между мужским, женским и средним родами на основании различий по размеру (названия крупных животных относятся к мужскому ро-

ду, названия мелких животных — к женскому, а очень мелких — к среднему роду). Значения мужского и женского рода, по мнению Ф. Боаса, осложнились вторичным противопоставлением по увеличительности—уменьшительности (*largeness—smallness*) однотипных неодушевленных предметов (судя по приведенным примерам — это противопоставление аналогично описанному выше на материале новых индоарийских и иранских языков). К двойственному роду относятся существительные, обозначающие предметы, «двойственные по природе» (*naturally dual*). К ним относятся слова, выражающие понятия «очки», «стрела с двойным наконечником», «двухствольное ружье» и т. д. К множественному роду относятся слова, обозначающие предметы, «множественные по природе» (*naturally plural*), типа «песок», «трава», «собственность». Ф. Боас считает, что эта пятичленная родовая классификация сложилась в результате пересечения двух семантических противопоставлений — по полу и числу [25, с. 574].

Необходимо отметить, что в родовых классификациях имен существительных в различных языках находит выражение довольно сложное переплетение двух логических категорий — качества и количества: в противопоставлениях по полу, личности—неличности и одушевленности—неодушевленности мы усматриваем грамматическое выражение логической категории качества, в которой отражаются некоторые качественные определенности предметов окружающей действительности. В то же время в родовых классификациях существительных находят выражение и противопоставления по единичности—множественности, единичности—совокупности, увеличительности—уменьшительности и др., которые можно отнести к логической категории количества [26, с. 301—311]. В и.-е. языках выражение количественных отношений средствами грамматического рода — явление более позднего порядка: оно паложилося на уже сложившуюся родовую классификацию существительных.

Язык чинук относится к языкам с неполной степенью мотивированности рода, однако степень мотивированности здесь достаточно высокая в связи с большим разнообразием родовых значений, вовлекающих в сферу семантических противопоставлений значительное число неодушевленных существительных. В американских северных ирокезских языках существует трехродовая классификация имен существительных, основанная на противопоставлении «личность (муж. пол — жен. пол) — неличность». Отсюда три рода: мужской личный, женский личный и неличный. Сами существительные лишены родовых форм, и род выражается в формах согласования глагола в 3-м лице ед. числа. Для общей теории грамматического рода значительный интерес представляет предложенная У. Чейфом гипотеза о происхождении ирокезского рода. У. Чейф считает, что формирование ирокезского рода произошло под воздействием сменяющих друг друга и видоизменяющихся семантических категорий (количества, личности, которая впоследствии «расщепилась» на семантические категории «мужской пол — женский пол»). Анализируя маркеры согласования в роде, он пришел к выводу, что они первоначально возникли как маркеры согласования в числе, позже реформировались в маркеры выражения противопоставления «личности—неличности» и впоследствии превратились в согласовательные маркеры категории рода. На основании ряда сопоставительных исследований У. Чейф приходит к выводу, что ирокезский род — инновация, сложившаяся совсем недавно [27, с. 496—498]. Гипотеза У. Чейфа сопоставима с гипотезой А. Мейе о происхождении и.-е. рода в результате «расщепления» категории одушевленности («одушевленного рода», по терминологии А. Мейе) [28, с. 205—207].

Системы грамматического рода в африканских языках характеризуются наличием в большинстве случаев компактной (двухродовой или трехродовой) классификации имен существительных, свойственной и.-е. роду. Четырехродовые классификации встречаются реже, еще более редкими являются пятиродовые классификации. Например, в языке занде существует четырехчленная родовая классификация имен существительных: названия лиц распределяются между мужским и женским родами в за-

зависимости от пола, названия животных без различия по признаку пола относятся к неличному одушевленному роду, а неодушевленные существительные — к неодушевленному роду. Этим они существенно отличаются от классных языков банту, характеризующихся множественностью именных классов.

Категория рода в ряде африканских языков характеризуется множественностью семантических противопоставлений, выступающих в комплексе с противоположением по признаку пола. Исследователи отмечают, что, например, в группе языков кадугли-кронго (за исключением одного языка — кейга) существует три рода: мужской, женский и средний, связанные с полом, но покрывающие также и различные понятийные категории (notional concepts). К числу этих категорий они относят ряд противопоставлений, основанных на различиях в физических качествах предметов (толщина, длина, прочность предметов и др.). Например, названия толстых предметов относятся к мужскому роду, а названия тонких предметов — к женскому. Названия лиц и животных распределяются по родам по признаку пола.

В языках бари, тесе и маасаи к мужскому роду относятся названия живых существ мужского пола, а также названия больших, толстых предметов, активных агентов действия и инструментов; к женскому роду — названия живых существ женского пола, маленьких, тонких предметов, пассивных реципиентов действия и т. д. [29, с. 146, 304, 466].

Если сопоставить и.-е. род и род в языках Африки в общем плане с точки зрения степени мотивированности родовых классификаций имен существительных, то родовая классификация в последних представляется более мотивированной благодаря множественности родовых значений, вовлекающей в семантическую сферу рода значительные массы неодушевленных существительных.

Компактность родовых классификаций при наличии множественности родовых значений может служить указанием на то, что родовые классификации складывались первоначально на основе первичного противопоставления по полу с последующим присоединением вторичных противопоставлений по различным качественным признакам предметов.

На наш взгляд, появление новых грамматических значений рода в африканских языках является результатом контактов с племенами — носителями классных языков.

Взаимосвязи между классными и родовыми языками проявляются и в некоторых языках Австралии. Иногда исследователи испытывают определенные затруднения при отнесении тех или иных языков к группе родовых или классных языков, поскольку в них могут проявляться характерные особенности как тех, так и других. Например, в одном из языков подобного типа — джингили — различаются три родовых класса: мужской, женский и средний, причем последний включает названия неодушевленных предметов и фитонимы. Поэтому средний родовой класс подразделяется на два подкласса. Следует иметь в виду, что выделение класса «растений» — одна из типичных черт именных классификаций не только классных языков Австралии, но и африканских и американских классных языков. К мужскому и женскому родовым классам соответственно относятся названия лиц и животных в зависимости от пола (названия мелких животных относятся к существительным «общего» рода — они могут употребляться то в мужском, то в женском родах). Это указывает на близость к типичной родовой классификации существительных.

Н. Чадвик относит язык джингили к классным языкам [30, с. 17—19], хотя, по нашему мнению, этот язык ближе к родовым. Дело в том, что последовательным средством выражения классификации имен существительных в джингили является только согласование имен прилагательных, что в принципе не свойственно классному согласованию, охватывающему все элементы предложения [31, с. 136]. Кроме того, в этом языке родовая принадлежность существительных может (как дополнительный признак) выражаться родовыми флексиями, что также не свойственно классным языкам.

Исследователи дравидийских языков указывают на полную мотивированность родовых классификаций дравидийских имен существительных. Характеризуя дравидийский род, М. С. Андронов отмечает, что «он опирается на лексическое значение слова» [32, с. 19].

Особенностью дравидийских имен существительных является отсутствие у них морфологических признаков рода: «Грамматический род имени,— замечает М. С. Андронов,— выражается в согласовании между именами и соответствующими родовыми формами глагола и личных местоимений. Это единственное, что позволяет говорить о наличии здесь этой категории, так как различные типы склонений, а также изменяющиеся по родам прилагательные и другие определители, согласующиеся с определяемым в роде, в дравидийских языках отсутствуют» [33, с. 47].

Факты дравидийских языков еще раз подтверждают высказанную нами выше мысль о том, что при отсутствии морфологического критерия распределения имен существительных по родам в силу вступает семантический критерий, в результате чего увеличивается степень мотивации родовых классификаций имен существительных.

Общие результаты нашего исследования категории рода на основе описаний 150 языков, распространенных в различных регионах мира, можно суммировать следующим образом:

1. Все родовые языки подразделяются на два подмножества: языки с неполной мотивированностью родовых классификаций (различающиеся между собой степенью мотивированности — от незначительной до почти полной) и языки с полной степенью мотивированности. Различие между языками обоих подмножеств не является принципиальным, поскольку в нем выражается различие в степени одного и того же качества.

2. Грамматическая категория рода представляет собой довольно сложное диалектическое единство планов содержания и выражения: она возникает, формируется и видоизменяется под комплексным воздействием экстрасистемных и интрасистемных факторов.

Воздействие экстрасистемных факторов на грамматический род продолжается на протяжении всего периода существования этой категории в том или другом языке; оно проявляется в многочисленных изменениях в семантической сфере рода в результате присоединения к ней новых семантических противопоставлений, выражаемых родовыми формами, а также в родовой редистрибуции имен существительных. С другой стороны, само появление рода как грамматической категории возможно только в том случае, если грамматическая система языка выработает определенную последовательность форм, служащих для его выражения. Эта последовательность форм является неотъемлемой частью грамматической системы языка и подчиняется внутренним законам ее развития. Процесс внутрисистемных изменений может решающим образом влиять на структуру рода (например, переход в ряде и.-е. языков от трехродовой к двухродовой структуре объясняется развитием аналитических тенденций и переходом от флективно-синтетического к аналитическому строю). При полном стирании различий в родовых формах грамматическая категория рода прекращает свое существование.

3. Грамматическая категория рода не может быть «сведена к согласованию» и не служит «исключительно целям согласования» в связи с множественностью средств или способов грамматического выражения рода, существенно различающихся по своему характеру. Во многих родовых языках категория рода вообще не выражается средствами согласования; есть немало языков, в том числе и индоевропейских, в которых согласование в роде играет в настоящее время второстепенную или третьестепенную роль. Эти факты ставят под вопрос актуальность «согласовательной» теории грамматического рода и позволяют по-новому подойти к трактовке сущности этой категории.

4. Несмотря на существенные различия между средствами выражения рода, они объединены единым функциональным признаком — все они служат инструментом выражения родовых классификаций имен существительных на грамматическом уровне.

1. *Robins R. N.* Ancient and mediaeval grammatical theory in Europe. London, 1951.
2. *Сенир Э.* Язык. М., 1934.
3. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1936.
4. *Sweet H.* A new English grammar. London, 1891.
5. *Greenwood J.* An assay towards a practical English grammar. London, 1711.
6. *Buchanan J.* The British grammar. London, 1762.
7. *Jespersen O.* Essentials of English grammar. London, 1954.
8. *Jespersen O.* The philosophy of grammar. London, 1955.
9. *Блумфилд Л.* Язык. М., 1964.
10. *Fodor I.* The origin of grammatical gender. — *Lingua*, 1959, VIII, 1.
11. *Ельмслев Л.* О категориях личности — пеличности и одушевленности — неодушевленности. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
12. *Зализняк А. А.* К вопросу о грамматической категории рода и одушевленности в русском языке. — ВЯ, 1964, № 4.
13. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English. London, 1972.
14. *Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957.
15. *Карамшоев Д.* Категория рода в памирских языках: Автореф. дис. на соискание уч.ст. докт.филол.наук. М., 1979.
16. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. М., 1975.
17. *Зограф Г. А.* Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976.
18. *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937.
19. *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
20. *Липеровский В. П.* О денотативной значимости категории рода имен существительных языка хинди. — В кн.: Проблемы семантики. М., 1974.
21. *Карамшоев Д.* Проблемы категории рода в памирских языках. — ВЯ, 1979, № 5.
22. *Соколова В. С.* Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-рушанской группы. М., 1973.
23. *Немировский М. Я.* Способы обозначения пола в языках мира. — В кн.: Памяти академика Н. Я. Марра. М.—Л., 1938.
24. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1972.
25. *A handbook of the American Indian languages.* Т. I—II. New York, 1969.
26. *Панфилов В. З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания М., 1982.
27. *Chafe W. L.* The evolution of third person verb agreement in the Iroquoian languages. — In: Mechanisms of syntactic change. London, 1977.
28. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938.
29. *Tucker A. N., Bryan M. A.* Linguistic analyses. The Non-Bantu languages of North-Eastern Africa. London, 1966.
30. *Chadwick N. A.* A descriptive study of the Djingili language. Canberra, 1975.
31. *Степанов Ю. С.* Основы языкознания. М., 1966.
32. *Андронов М. С.* Язык каннада. М., 1962.
33. *Андронов М. С.* Дравидийские языки. М., 1965.